

ПРОТИВ МОНОСЕМИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К СЕВЕРНОХАНТЫЙСКОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПОСЕССИВНОСТИ*

С. К. Михайлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В настоящей статье рассматриваются два типа дискурсивных употреблений казымских севернохантыйских показателей посессивности: топикальные употребления POSS.2SG и партитивные употребления POSS.3SG. Выдвигается тезис, что объединение дискурсивных употреблений с собственными в общем случае невозможно, а единственно верным подходом к рассматриваемым данным является радикально-полисемический подход, который предлагает независимую семантику для каждого типа употреблений. Обсуждаются предсказания двух моносемических подходов вслед за [Nikolaeva 2003] и [Simonenko 2017]. Приводятся аргументы против моносемических подходов и за независимость рассматриваемых типов употреблений, основанные на отличиях в их морфосинтаксисе и прагматике. Аналогичная аргументация может оказаться релевантна для анализа данных других уральских языков с развитой дискурсивной посессивностью.

Ключевые слова: дискурсивная посессивность, севернохантыйский язык, моносемический подход, полисемия, рассогласование, семантика.

Для цитирования: Михайлов С.К. Против моносемических подходов к севернохантыйской дискурсивной посессивности // Типология морфосинтаксических параметров. 2021. Том 4, вып. 1. С. 118–146.

* Автор выражает глубочайшую признательность своим севернохантыйским консультантам, А. А. Козлову, А. П. Симоненко, Н. В. Ивлиевой и С. Ю. Толдовой за критические замечания к изложенным здесь идеям и чуткое руководство и слушателям 11-й конференции «Типология морфосинтаксических параметров» за ценные комментарии. Все недочёты настоящей статьи остаются на совести автора.

Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627.

AGAINST MONOSEMIC APPROACHES TO NORTHERN KHANTY EXTENDED POSSESSIVES*

Stepan Mikhailov

National Research University Higher School of Economics

In this paper I discuss two kinds of extended uses of Kazym Northern Khanty possessive markers: the topical uses of POSS.2SG and the partitive uses of POSS.3SG. I argue that the unification of these extended uses with the proper possessive use is generally impossible and that the only feasible approach to these data is a radical polysemy one, which proposes an independent semantics for each use type. I discuss two monosemic approaches after [Nikolaeva 2003] and [Simonenko 2017] and discard them in view of a range of arguments for the independence of the extended uses based on the latter's distinct morphosyntactic and pragmatic behavior. The arguments can easily be extended to the data from other Uralic languages with extended possessive marking.

Keywords: extended possessives, Northern Khanty, monosemic approach, polysemy, agreement mismatch, semantics.

For citation: Mikhailov S. Against monosemic approaches to Northern Khanty extended possessives. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2021. Vol. 4, iss. 1. Pp. 118–146. (In Rus.)

* I express my deepest gratitude to my Northern Khanty consultants and to Alexey Kozlov, Alexandra Simonenko, Natalia Ivlieva, and Svetlana Toldova for critical comments on ideas presented in this paper and for careful supervision. I would also like to thank the audience of the 11th conference “Typology of Morphosyntactic Parameters” for valuable feedback. All remaining errors are my own.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 19-012-00627.

1. Введение

Во многих уральских языках [Nikolaeva 2003; Кузнецова 2003; Simonenko 2017; Fraurud 2001; Körtvély 2010; Siegl 2015; Serdobolskaya et al. 2019; Kiss, Tánczos 2018 и ссылки в этих работах] показатели посессивности могут употребляться за пределами прототипических посессивных контекстов, когда нельзя утверждать о существовании какого-либо посессивного отношения между условным «посессором» и референтом именной группы. В подобных случаях мы будем говорить о «дискурсивных» употреблениях посессивов¹.

Так, в севернохантыйском посессив второго лица единственного числа *-en* [POSS.2SG], помимо собственно посессивных употреблений типа (1), обладает также анафорическими употреблениями, как в (2). В этом примере собака обязательно маркируется этим показателем, т.к. она уже была упомянута в предшествующем контексте.

- (1) севернохантыйский язык (казымский диалект < обско-угорские < уральские)

nǎŋ kǎt'-en moʃ-λ
 ты кот-POSS.2SG мурчать-NPST[3SG]
 'Твой кот мурчит.'

- (2) *amp-en ta pɛλ-am-a χurət-ti pit-əs*
 пёс-POSS.2SG я на-POSS.1SG-DAT лаять-NFIN.NPST статья-PST[3SG]
 '{Я шёл по улице и увидел собаку.} (букв. Твоя) собака на меня за-
 лаяла.'

В существующей литературе по дискурсивным посессивам представлены подходы, которые призваны свести подобные употребления к базовой посессивной семантике.

Например, Ирина Николаева [2003] предлагает считать, что в случаях типа (2) посессив маркирует **ассоциативную связь** в сознании говорящего между референтом именной группы (ИГ) и адресатом.

¹ Для удобства мы используем «посессив» как сокращение для «посессивный показатель».

Александра Симоненко [2017], рассматривая употребления посессивов 3SG в ряде финно-угорских и алтайских языков, выдвигает гипотезу, что межъязыковое варьирование в множестве доступных показателю употреблений следует из **варьирования в множестве отношений**, которые этот показатель может выражать. В случае анафорических употреблений посессива 3SG (как в коми-ижемском языке, [там же]) показателю доступно отношение идентичности.

Оба подхода можно считать **моносемическими**, поскольку они так или иначе стремятся свести разнообразие употреблений показателя к единому лексическому входу с единой семантикой во всех случаях.

Настоящая статья имеет целью продемонстрировать на материале казымского диалекта севернохантыйского языка, что моносемические подходы совершают неверные предсказания в отношении ряда свойств дискурсивных посессивов. Основной тезис статьи состоит в том, что объединение дискурсивных употреблений с собственными в общем случае невозможно, а единственно верным подходом к дискурсивной посессивности является **радикально-полисемический подход**, который предлагает независимую семантику для каждого типа употреблений.

В разделе 2 мы рассматриваем два моносемических подхода к дискурсивной посессивности, упомянутых выше: ассоциативный подход [Nikolaeva 2003 и другие работы] и радикально-полисемический подход [Simonenko 2017]. В разделе 3 представлена основная информация о казымском диалекте севернохантыйского языка.

В разделе 4 представлены данные двух севернохантыйских дискурсивных посессивов. В разделе 4.1 рассматривается показатель топика омонимичный показателю *-en* [POSS.2SG]. В разделе 4.2. рассматривается партитивный артикль омонимичный *-əλ* [POSS.3SG]. В каждом из разделов обсуждаются возможные моносемические подходы к этим показателям и представляются аргументы против них. Особое значение играют аргумент от недопустимости выражения посессора и аргумент от рассогласования, которые свидетельствуют в пользу независимости данного дискурсивного посессива в силу отличий в его морфосинтаксических свойствах от собственно посессива. Мы ожидаем, что подобные аргументы могут найти аналогичное применение в исследованиях дискурсивной посессивности в других языках.

Раздел 5 подводит итоги настоящего исследования.

2. Два подхода к дискурсивной посессивности

В этом разделе критически рассматриваются два моносемических подхода к уральским дискурсивным посессивам на примере работ Ирины Николаевой [1999, 2003] и Александры Симоненко [2017]. В силу ограниченного объёма настоящей статьи ряд работ также представляющих моносемический подход мы вынуждены оставить без внимания (например, [Fraurud 2001; Gerland 2014]), однако отметим, что аргументы за независимость представленные в разделе 4 проблематичны для всякого моносемического подхода.

2.1. Ассоциативный подход [Nikolaeva 1999, 2003]

Ирина Николаева [1999: §7.3] обсуждает дискурсивные употребления посессивов в приуральском диалекте севернохантыйского языка², а в более поздней работе [Nikolaeva 2003] привлекает данные и других уральских языках.

Николаева показывает, что для уральских посессивов особенно характерны «ассоциативные» употребления, при которых посессив выражает некоторое сильно контекстно-обусловленное отношение, в значительной степени отступающее от прототипов обладания или неотчуждаемой принадлежности [Taylor 1996].

Так, в (3) употребление посессива 2SG объясняется тем, что машина ассоциирована с адресатом в сознании говорящего: «машина твоя, поскольку я говорю тебе о ней» [Nikolaeva 2003: 7].

(3) севернохантыйский язык (приуральский диалект)

*wanta tām mašinaj-en jowra mānəs.*³
смотреть этот машина-2SG косо пойти.3SG

‘Смотри, ту (букв.: твоя) машину перекосило.’ [там же]

А в (4) место маркировано посессивом 1SG, т.к. существует контекстная ассоциация между говорящим и референтом ИГ: говорящий только что падал в этом же месте.

² И. Николаева называет его “North Ostyak”. Как будет показано ниже, приуральский диалект существенно отличается от казымского диалекта, особенно в отношении дискурсивной посессивности.

³ В этом разделе сохраняются транслитерация и поморфемные переводы из оригинальных статей. Перевод англоязычных глосс на русский и выделения полужирным наши.

- (4) *ma ísí taxa:j-e:m-na il ko:ri-s-ə-m.*
 я тот_же место-1SG-LOC вниз упать-PAST-EP-1SG
 ‘Я упал в том же (букв.: моём) месте.’ [Nikolaeva 1999: 83]

В следующем примере из тундрового ненецкого языка (5) посессив 2SG используется с анафорически доступным референтом⁴. Согласно Николаевой здесь он замещает посессив 3SG, для которого более характерны подобные анафорические употребления (как и прочие употребления определённого артикля по [Hawkins 1991]; подробнее см. раздел 2.2). Такое замещение становится возможным в случаях, когда нарратив адресован конкретному лицу (или в диалогах) [Nikolaeva 2003: 8]. Посессив 2SG используется говорящим, чтобы «эмоционально сблизить» адресата с высказыванием [там же].

- (5) тундровый ненецкий язык
- a. *rixasyako yilyewi°.*
 старуха жить.NARR.3SG
 ‘Живёт старая женщина.’
- b. *rixasyako-nt° syidya sowa nyu-da.*
 старуха-GEN.2SG два хороший сын-3SG
 ‘У этой (букв.: твоей) старой женщины есть два хороших сына.’
 [там же]⁵

Утверждается, что посессивы в таких употреблениях можно опускать без заметной разницы в пропозициональном содержании высказывания и что их вклад является исключительно прагматическим [там же: 10]. Как будет показано ниже, дискурсивные посессивы казымского диалекта ведут себя иначе, будучи обязательными при употреблении.

В заключение И. Николаева [2003: 13] утверждает, что уральские посессивные конструкции способны выражать гораздо более широкий спектр отношений нежели их индоевропейские эквиваленты. Выбор отношения принципиально неограничен, что делает доступными любые ассоциативные отношения между референтом ИГ и другим индивидом. Последний должен быть введён в дискурс на момент высказывания с посессивной

⁴ Т. е. с референтом, который уже был введён в предшествующем дискурсе.

⁵ См. также обсуждение тундровых ненецких данных в рамках ассоциативного подхода в [Körtvély 2010].

конструкцией и, тем самым, служит когнитивной «точкой отсчёта» [Langacker 1993: 10–11] для установления референции данной ИГ. И собственно посессивные, и ассоциативные употребления **следуют из общего значения посессивной конструкции** (выражение отношения между двумя индивидами) [Nikolaeva 2003: 12]. (Исходя из этих соображений мы и считаем подход Николаевой моносемическим.)

Следует сделать несколько замечаний.

Во-первых, сложно считать верным утверждение, что индоевропейские посессивные конструкции как-то более ограничены в множестве доступных интерпретаций, чем их уральские эквиваленты. Хорошо известно, что при достаточной контекстной поддержке, например, *мои собаки* может значить ‘собаки, которые на меня напали’ [Storto 2005; Karvovskaya 2018], что также сильно отступает от прототипа обладания, как и ‘моё место’ в (4) в смысле ‘место, где я только что падал’⁶. Как отмечает сама И. Николаева, основное отличие уральских посессивных конструкций в том, что их ассоциативные употребления необыкновенно частотны. Согласно её подсчётам по трём текстам приуральского диалекта, ассоциативные интерпретации встречаются в 39% вхождений [Nikolaeva 1999: 82], тогда как в англоязычном корпусе таких интерпретаций всего 16% [Taylor 1996: 346–347]. Мы утверждаем, что повышенная частотность ассоциативных употреблений уральских посессивов, действительно нуждающаяся в объяснении, не может объясняться более свободной семантикой оных. Нулевая типологическая гипотеза состоит в том, что и индоевропейские конструкции, и уральские посессивы одинаково не ограничены в выборе отношения [Karvovskaya 2018], а эти факты, тем самым, нуждаются в другом объяснении. В силу ограниченного объёма настоящей работы мы вынуждены оставить эту задачу будущим исследованиям.

Важно отметить, что мы не исключаем верность интуиции, высказанной в ассоциативном подходе, как объяснения фактов приуральского диалекта севернохантыйского языка и других идиомов, рассматриваемых Николаевой. Однако мы считаем, что эта интуиция нуждается в уточнении и эксплицировании. В частности, необходимо объяснить, что делает одно отношение предпочтительнее другого в качестве значения данного посессива и как соответственно осуществляется выбор условного посессора.

⁶ Ср. также более устоявшиеся выражения типа русского *наш герой* и английского *your average Russian linguist* ‘(букв.: твой) среднестатистический русский лингвист’.

Например, в (3) и (5) используется посессив 2SG, поскольку говорящий сообщает адресату о референте данной ИГ [Nikolaeva 2003: 7–8] или же для «эмоционального сближения» адресата с сообщением [там же]. Почему же в этих примерах не используется посессив 1PL, «так как мы [говорящий и адресат] беседуем о референте ИГ» (ср. русское *наш герой*)?

Можно было бы ожидать, что употребление посессива 2SG в случае, когда возможно употребление посессива 1PL, порождает Q-импликацию, что утверждение с посессивом 1PL ложно [Horn 2006]: ‘машина твоя, но не наша’ (3) или ‘старушка твоя, но не наша’ (5). Однако, по видимому, ничего подобного не происходит. Этот факт также нуждается в объяснении.

Ниже для двух типов дискурсивных употреблений казымских севернохантыйских посессивов будет продемонстрировано, что моносемический ассоциативный подход не способен верно предсказать их семантические и морфосинтаксические свойства. Более того, в [Михайлов 2021a; Mikhailov 2021] было показано, что даже в случае ассоциативных употреблений посессивов казымского диалекта следует говорить о независимом (независимых) от собственно посессивов показателе (показателях).

2.2. Реляционно-полисемический подход [Simonenko 2017]

Александра Симоненко [2017] рассматривает употребления дискурсивных посессивов и схожих показателей (в её терминологии) специфичности в трёх финно-угорских языках (коми-ижемском, луговом марийском и мокшанском), а также в бурятском (< монгольские) и турецком (< тюркские).

Симоненко показывает, что распределение этих показателей по стандартным контекстам определённости (по [Hawkins 1991]) подвержено существенному межъязыковому варьированию, что можно наблюдать даже на такой небольшой выборке.

Так, например, коми-ижемский показатель POSS.3SG допускает все четыре рассматриваемых контекста: партитивный (6), анафорический (7), локально-уникальный (8) и глобально-уникальный (9) (выделения полужирным наши).

(6)	<i>lavka</i>	<i>təryt</i>	<i>va-i-sny</i>	<i>kuim</i>	<i>pyzan.</i>
	магазин	вчера	принести-PRT-3PL	три	стол

ton mi yti pyzan-[#](se)⁷ n'eb-i-m.
 сегодня мы один стол-3SG.ACC купить-PRT-1PL

‘Вчера они принесли три стола в магазин. Сегодня мы купили один стол.’ [Simonenko 2017: 427]

(7) *m'e mun-i ul'iča kuz'a i ad'd'-i pon.*
 я идти-PRT улица вдоль и видеть-PRT собака

ponm-(ys) kuč'-is uut-ny.*
 собака-3SG начать-PRT.3SG лаять-INF

‘Я шёл по улице и увидел собаку. Собака залаяла (букв. «начала лаять»).' [Кашкин 2008: 82]

(8) *əbes-*(se) s'ipt-i!*
 дверь-3SG.ACC:POSS.3SG закрыть-IMP

‘Закрой дверь!’ [Кашкин 2008: 82]

(9) *šond'-*(ys) dzeb-s-i-s.*
 солнце-3SG сесть-DETR-PRT-3SG

‘Солнце село.’ [Simonenko 2017: 428]

Таблица 1. Адаптировано из [Simonenko 2017].

x_i обозначает референта ИГ, x_j — референта, с которым x_i состоит в некотором отношении. Контексты В-i и В-ii представляют партитивные употребления [Епс 1991], С — анафорические, а D — локально- и глобально-уникальные. obj — столбец для показателей дифференцированного объектного маркирования, «def» — столбец для мокшанского показателя «определённости».

Кон- текст		Tur	Tur obj	Kom	Bur	Bur obj	Mar	Mor	Mor «def»
A	x_i owned by x_j	ok	*	ok	ok	*	ok	ok	*
B-i	$x_i \subset x_j$ if x_i is pl	*	ok	ok	ok	ok	ok	*	ok
B-ii	$\{x_i\} \subset x_j$ if x_i is sg	*	ok	ok	ok	ok	ok	*	ok
C	$x_i = x_{j\text{context}}$	*	ok	ok	ok	ok	*	*	ok
D	$x_i = x_{j\text{disc.sit}}$	*	ok	ok	*	ok	*	*	ok
E	narrow scope	ok	*	*	*	*	ok	ok	*

В таблице 1 приведены данные по всем показателям. От коми-ижемского показателя отличается бурятский показатель POSS.3SG (столбец Bur):

⁷ Здесь и далее нотация вида «[#](X)» читается как «при опущении X высказывание становится неуместным», а «([#]X)» соответственно как «при добавлении X высказывание становится неуместным». Звёздочка (*) обозначает неграмматичность. Знак вопроса (?) или ??) затруднённая возможность такого употребления.

он не употребляется в локально- и глобально-уникальных контекстах (контекст D). А луговомарийский показатель POSS.3SG (столбец Mar) не употребляется в контекстах уникальности и в анафорических контекстах (контекст C), тогда как турецкий и бурятский показатели дифференцированного объектного маркирования (столбцы Tur obj и Bur obj) употребляются во всех контекстах кроме собственно посессивных (контекст A).

Симоненко выдвигает гипотезу, что разнообразные функции рассматриваемых показателей сводимы к общему семантическому компоненту отношения между референтом данной ИГ и антецедентом (условным посессором) [там же: 1, 6 и сл.]. В разных функциях этот компонент, представляемый переменной R, принимает разные значения. Например, в случае анафорических (контекст D в таблице 1) и уникальных контекстов (контекст C) R принимает значение отношения идентичности, а в случае партитивных контекстов B — значение отношения включения⁸.

В подходе Симоненко подобные показатели наделяются семантикой в (10) (сформулированной в рамках семантики ситуаций вслед за [Elbourne 2008]). Неформально, можно сказать, что подобные показатели обозначают некоторое отношение между референтом ИГ и условным посессором (представляемым Симоненко нулевым местоимением [там же: 7]).

(10) $||det|| = \lambda P_{[e \rightarrow [s \rightarrow t]]} \cdot \lambda y_e \cdot \lambda x_e \cdot \lambda s_o \cdot P(x)(s) \ \& \ R(x)(y)$ ⁹, где

R = отношение обладания (мокшанский и турецкий poss),

R = отношение идентичности или включения (мокшанский def и бурятский obj),

R = отношение обладания или включения (марийский и бурятский poss),

R = отношение обладания, идентичности или включения (турецкий obj и коми-ижемский poss) (адаптировано из [Simonenko 2017]).

⁸ В этом разделе мы придерживаемся русскоязычных аналогов терминологии автора без дополнительных уточнений. Например, Симоненко противопоставляет «дискурсивные» отношения отношениям обладания (*possession*), хотя очевидно, что собственно посессивные отношения включают в себя множество типов отношений помимо обладания, как то: родственные отношения или отношения части-целого.

⁹ Предположительно отношение R так же должно иметь ситуационный аргумент (отношения имеют место в конкретных ситуациях), как, например, в анализе реляционных имён в [Schwarz 2009]. Насколько мы можем судить, ничто не препятствует такому дополнению этой формулы.

Для удобства мы называем этот подход **реляционно-полисемическим**, т.к. он предполагает, что разным показателям доступны разные значения переменной R. При этом необходимо отметить **моносемический** характер этого подхода, как предполагающего единый лексический вход для разных употреблений полифункционального показателя, конкретное значение которого дополнительно устанавливается в контексте.

Принципиальным свойством моносемических подходов к значению какого-либо выражения является то, что в отсутствие дополнительных оговорок такой подход предполагает, что в разных употреблениях данное выражение будет проявлять один и тот же ряд семантических, морфосинтаксических и прочих свойств. Любые различия между употреблениями в таком подходе должны сводиться к влиянию контекстуальных факторов, будь то прагматический контекст, способствующий возникновению особой интерпретации, или же синтаксический контекст, создающий видимость особого синтаксического поведения выражения в одном из употреблений.

Уже сейчас мы можем поставить под сомнение верность моносемического подхода Симоненко по крайней мере в отношении данных посессивов с партитивной функцией.

Рассмотрим коми-ижемский пример (6) (продублированный ниже как (11)).

(11) *lavka* *təryt* *va-i-sny* *kuim* *pyzan.*
 магазин вчера принести-PRT-3PL три стол

ton *mi* *yti* *pyzan-#(se)* *n'eb-i-m.*
 сегодня мы один стол-3SG.ACC купить-PRT-1PL

‘Вчера они принесли три стола в магазин. Сегодня мы купили один стол.’

В рамках подхода Симоненко это употребление показателя POSS.3SG следует анализировать как отсылающее к введённому в предшествующем контексте множеству столов. Выражаясь точнее, показатель будет согласоваться с нулевым местоимением в позиции посессора ИГ *yti pyzan-se* ‘один стол [из тех столов]’, которое, в свою очередь, отсылает к множеству столов.

Очевидно, однако, что от **посессивного** показателя в таком контексте мы бы ожидали, что показатель будет соответственно POSS.3PL, т.к. он согласуется с множественным «посессором». В отсутствие дополнительно го объяснения тот факт, что в контексте с множественным антецедентом показатель по-прежнему имеет форму POSS.3SG, говорит в пользу утраты

им посессивного морфосинтаксиса согласования: в подобных употреблениях показатель ни с чем не согласуется и, следовательно, **не является посессивом**¹⁰.

В разделе 4.2 мы представим аналогичный, но более развёрнутый аргумент от рассогласования за независимость партитивных употреблений севернохантыйского POSS.3SG. Также в разделе 4 будут представлены и другие аргументы за независимость, которые представляют серьёзные трудности для моносемических подходов вообще и для реляционно-полисемического подхода Симоненко в частности.

3. Основная информация о казымском севернохантыйском языке

Данные, обсуждаемые в следующих разделах, были получены методом эlicitации с носителями казымского диалекта севернохантыйского языка в селе Казым (Ханты-Мансийский АО, РФ) в рамках совместных экспедиций Школы Лингвистики НИУ ВШЭ и ОТиПЛ МГУ в 2018-2021 гг.

Мы придерживались методологии семантической полевой работы в духе работ Лизы Мэттьюсон и коллег [Matthewson 2004; Tonhauser et al. 2013; Vochnak, Matthewson 2015]. Каждое из полученных суждений в отношении допустимости показателей в разных контекстах было подтверждено по крайней мере с тремя консультантами, а в большинстве случаев с пятью-шестью консультантами. В некоторых случаях мы не учитывали никакие суждения отдельных консультантов в отношении конкретного показателя, если этот показатель не был представлен в их идиолекте.

Основная информация о языке доступна в недавней грамматике [Каксин 2010], в которой, однако, вопрос дискурсивных употреблений посессивов никак не рассматривается.

В севернохантыйском посессивная конструкция минимально включает в себя ИГ посессора и ИГ обладаемого, маркированную посессивным показателем (12). При этом посессор может быть выражен нулевым местоимением.

¹⁰ Как аргумент за полисемический взгляд на партитивные употребления удмуртского POSS.3SG подобное наблюдение приводится в [Kiss, Tánczos 2018: 736]. Симоненко [2017] никак не комментирует рассогласование в таких примерах. Более ранние указания на рассогласование в дискурсивных употреблениях посессивов в пермских языках см. в [Сердобольская 2017: 96–97 и ссылки там же].

- (12) (*nǎŋ*) *kǎt'-en*
 ты кот-POSS.2SG
 'твой кот'

Лично-числовые согласовательные показатели посессивности выражают лицо (1, 2, 3) и число (ед., дв. и мн.) ИГ посессора. Некоторые показатели используются синкретично, например, дв. и мн. числа не различаются при втором лице (13).

- (13) *nin* *kǎt'-ən*
 вы кот-POSS.2NSG
 'ваш [дв. или мн.] кот'

При лексическом посессоре (выраженном нарицательной именной группой) наличие посессивного согласования частично обусловлено типом выражаемого отношения [Смирнова 2019], однако условия возникновения посессивности в данном случае ещё нуждаются в уточнении. В дальнейшем при обращении к собственно посессивным примерам мы будем рассматривать только местоименных посессоров, при которых наличие посессива обязательно.

Как уже частично сообщалось выше, предшествующие работы, затрагивающие дискурсивные употребления севернохантыйских посессивов [Nikolaeva 1999, 2003; Кашкин 2010; Simonenko 2014], рассматривают данные других диалектов (приуральского в работах Николаевой и тегинского в других работах), в которых посессивы обладают более узкой и заметно отличающейся от казымских данных дистрибуцией.

4. Дискурсивная посессивность в севернохантыйском и аргументы за радикально-полисемический подход

В этом разделе рассматриваются аргументы за радикально-полисемический подход к севернохантыйской дискурсивной посессивности на примере двух типов употреблений. В каждом подразделе будут приведены основные сведения о рассматриваемом типе употреблений, а затем будут представлены свойства этого типа, отличающие его от собственно посессивного. В разделе 4.1. рассматриваются свойства показателя топика омо-

нимичного показателю *-en* [POSS.2SG]. В разделе 4.2. — свойства партитивного артикля омонимичного *-əλ* [POSS.3SG]¹¹.

Два типа аргументов играют особую роль в нашем исследовании: аргумент от недопустимости выражения посессора и аргумент от рассогласования. В известных нам работах первый аргумент никогда не рассматривался, а второй аргумент был введён в научный оборот лишь недавно в [Kiss, Tánczos 2018] (применительно к удмуртским данным о партитивном POSS.3SG; ср. раздел 4.2.).

Тем самым мы надеемся, что настоящая работа может послужить ценным ресурсом диагностик независимости дискурсивных посессивов для исследователей других идиомов.

4.1. Показатель топики *-en* [POSS.2SG]¹²

Одно из дискурсивных употреблений экспонента *-en* [POSS.2SG] – это употребление в качестве показателя топики, как в примере (2) (продублированном ниже как (14) с дополнениями).

В левом контексте примера (14) (приведённом в фигурных скобках) в повествование вводится собака. При следующем упоминании собаки отсылающая к ней ИГ требует маркирования показателем, выглядящим как посессив второго лица единственного числа. Опущение показателя вызывает импликацию неизвестности и / или неуникальности¹³: второе упоминание отсылает к какой-то собаке отличной от введённой в предшествующем контексте.

¹¹ В силу ограниченного объёма настоящей работы мы были вынуждены опустить обсуждение ещё двух типов дискурсивных употреблений севернохантыйских посессивов: ассоциативный посессив и проприальный артикль омонимичный показателю *-en* [POSS.2SG] (артикль, производящий конкретно-референтные имена из имён собственных [Muñoz 2019]). Первый подробно рассматривается в [Михайлов 2021a], аргументы за независимость второго, в том числе и от омонимичного с ним показателя топики, см. в магистерской диссертации [Mikhailov 2021].

¹² В квадратных скобках здесь и ниже даётся глосса показателя, из которого предположительно произошёл данный показатель. В примерах мы также глоссируем депосессивные показатели в соответствии с их посессивным источником.

¹³ Здесь и далее под «(не)уникальностью» подразумевается локальная [König 2018] или информационная [Roberts 2003] уникальность (ограниченная конкретной ситуацией) в противовес глобальной или семантической уникальности (в мире в целом или в большей ситуации).

- (14) *amp-#(en) ma pɛλ-am-a χurət-ti pīt-əs*
 пёс-POSS.2SG я на-POSS.1SG-DAT лаять-NFIN.NPST статья-PST[3SG]
 ‘{Я шёл по улице и увидел собаку.} (букв. Твоя) собака на меня за-
 лаяла.’
 Комментарий консультанта к немаркированной форме (∅): «Тогда
 это какая-то другая собака, непонятно какая».

Маркирование этим показателем невозможно в случае неизвестных ре-
 ферентов (т. е. не введённых в дискурс и не доступных из речевой ситуа-
 ции или знаний о мире). В примере (15) неизвестный (т. е. впервые упо-
 мянутый) солдат должен оставаться немаркированным.

- (15) *ma χot-a λιη-s-эм. śāta šāldat-#(en) oməs-λ.*
 я дом-DAT войти-PST-1SG там.LOC солдат-POSS.2SG сидеть-NPST[3SG]
 ‘Я вошёл в дом. Там сидел солдат.’ {(16)}

При последующем упоминании (16) в позиции компонента послелога
 маркирование этим показателем затруднено для большинства наших кон-
 сультантов.

- (16) *ma šāldat-(??en) χuśa wana mān-s-эм,*
 я солдат-POSS.2SG к ближе идти-PST-1SG

puškan-эн śāš-s-эм.
 ружьё-LOC показать-PST-1SG > SG
 {(15)} ‘Я подошёл к солдату и наставил на него ружьё.’ {(17)}

В последнем упоминании (17) солдат находится в позиции подлежаще-
 го и при этом он высоко топикален¹⁴. В этом примере маркирование пока-
 зателем обязательно для всех наших консультантов.

- (17) *šāldat-#(en) pakn-əs.*
 солдат-POSS.2SG испугаться-PST[3SG]
 {(16)} ‘Солдат испугался.’¹⁵

¹⁴ О связи позиции подлежащего с топикальностью в обско-угорских языках см. [Nikolaeva 2001] и [Kiss 2019].

¹⁵ Примеры (15)–(17) основаны на примере Ирины Николаевой, демонстрирующем ассоциативное маркирование POSS.1SG в тундровом ненецком (при последнем упоминании солдата) [Nikolaeva 2003: 10], ср. ассоциативное маркирование в севернохантыйском в [Михайлов 2021a].

Сомнительность употребления этого показателя в примере (16) в неподлежащей позиции объясняется как раз тем, что в данном случае референт ИГ недостаточно топикален. С другой стороны, в (17) референт ИГ максимально топикален, что и гарантирует обязательное маркирование показателем топики.

Мы предполагаем, что обязательность маркирования показателем топики в случаях типа (14) и (17) обуславливается наличием у этого показателя соответствующих пресуппозиций (известности, уникальности и топикальности референта ИГ) и требованием прагматического принципа *Maximize Presupposition!* употреблять в контексте, где выполняются соответствующие пресуппозиции, выражение несущее максимальное их количество [Heim 1991; Sorock, Beaver 2015 и ссылки там же].

На этом мы завершаем обсуждение условий употребления показателя топикальности и переходим к наброскам двух моносемических анализов этого типа употреблений¹⁶.

4.1.1. Моносемические подходы к показателю топики

Ассоциативный подход к подобным употреблением показателя POSS.2SG был сформулирован Ириной Николаевой [2003] для тундрово-ненецкого показателя (см. обсуждение (2) и (4) выше).

В примерах типа (2) (продублированного как (2')) POSS.2SG используется для сближения адресата с ситуацией, фокусом эмпатии¹⁷ в которой является референт маркированной ИГ (ср. [там же: 8]).

(2') *amp-en ta peλ-am-a χurət-ti pit-əs.*
 пёс-POSS.2SG я на-POSS.1SG-DAT лаять-NFIN.NPST статья-PST[3SG]
 'Я шёл по улице и увидел собаку.} Собака на меня залаяла.'

Другой вариант ассоциативного анализа подобных употреблений представлен в статье Эрики Кёртвей [Körtvély 2010], так же обсуждающей тундрово-ненецкие данные.

Кёртвей [2010: 333] пишет, что в подобных употреблении POSS.2SG маркирует связь референта ИГ с референтом, который уже известен адресату.

¹⁶ Подробнее об условиях употребления показателя топикальности см. [Михайлов 2021b; Mikhailov 2021], краткое обоснование наличия пресуппозиции уникальности у показателя топикальности см. ниже в обсуждении примера (22).

¹⁷ Иными словами, центром внимания говорящих, подробнее см. [Nikolaeva 2001: 4 и сл.].

В рамках настоящей работы мы не будем рассматривать объяснительную силу возможного анализа в рамках ассоциативного подхода, а обратимся лишь к предсказаниям, которые совершает подобный анализ. В частности, по-видимому, и анализ Николаевой, и анализ Кёртвей предполагает, что при множественном адресате должен употребляться показатель POSS.2PL (или POSS.2NSG в случае севернохантыйского), поскольку ассоциативная связь теперь имеет место между референтом ИГ и **множественным** адресатом. В разделе 4.1.3 рассматривается аргумент от рассогласования, основанный на том, что в севернохантыйских данных это предсказание ассоциативного подхода не подтверждается.

Реляционно-полисемический подход Александры Симоненко в исходном варианте не применим к этому типу употреблений, поскольку ни одно из представленных в анализе отношений не даёт верного значения в примерах типа (2) (ни отношение идентичности, ни отношение подмножества не имеют места между референтом ИГ и адресатом в этом случае). Можно дополнить список возможных отношений, например, отношением направленности внимания (или салиентности, ср. [Barlew 2014]): в (2) собака маркирована POSS.2SG, т.к. она находится в центре внимания адресата¹⁸.

Для подобного анализа также проблематичны аргумент от рассогласования (см. выше и 4.1.3) и аргумент от отсутствия прагматической конкуренции. Как мы писали в разделе 2.1, последний основан на том факте, что при прочих равных отношении направленности внимания, как и отношение

¹⁸ Симоненко никак не комментирует возможные ограничения на список допустимых отношений. Следует отметить, что отношение направленности внимания в отличие от отношений, рассматриваемых в исходной статье, имеет место не (в какой-либо ситуации) в универсуме дискурса, а в ситуации речевого акта. В [Barlew 2014], например, это отношение анализируется как аппелирующее непосредственно к параметру контекста *s*, который помимо прочих контекстуальных переменных содержит участников речевого акта, активированных дискурсивных референтов и информацию о направленности внимания первых в отношении последних. Не совсем ясно, можно ли приравнять контекст *s* в таком смысле к ситуации речевого акта. Для всякого ситуационно-семантического анализа принципиально, что референты обладают свойствами в рамках конкретных ситуаций, и упоминание референта требует, чтобы он существовал в ситуации, относительно которой оценивается предикат из значения данной ИГ (см. [Schwarz 2009]). Тем самым, если мы утверждаем, что отношение между адресатом и референтом ИГ имеет место в ситуации речевого акта, необходимо объяснить, в каком смысле референт, введённый в ретроспективном повествовании, существует в ситуации речевого акта. Мы опустим дальнейшее рассмотрение этого вопроса и отметим, что подобный анализ в любом случае должен быть отвергнут на эмпирических основаниях, представленных далее.

известности или отношение предмета разговора (см. обсуждение примера (3)), имеет место, как между референтом ИГ и адресатом, так и между референтом ИГ и участниками коммуникации вместе взятыми. Если я с тобой говорю о X, то мы оба говорим о X. Если тебе известен X, и я упоминаю X, то X известен нам обоим. Если (у меня есть основания полагать, что) твоё внимание направлено на X, и я упоминаю X, то моё внимание тоже направлено на X (подробнее о последнем следствии см. [Barlew 2014: 624]).

Следовательно, в подобных примерах должно быть возможно употребление POSS.1PL («наша собака, поскольку наше внимание на неё направлено»), а употребление POSS.2SG должно вызывать импликацию ложности более сильного высказывания с POSS.1PL [Horn 2006]: если я утверждаю, что «собака твоя», когда допустимо, что «собака наша», значит ‘собака твоя, но не моя’. В следующем разделе показано, что подобная импликация возникает в случае собственно посессива POSS.2SG, но не возникает при показателе топикальности.

4.1.2. Аргумент от отсутствия прагматической конкуренции

Как уже говорилось выше, в нормальном случае от показателя POSS.2SG мы ожидаем, что его употребление в контексте, где возможно употребление POSS.1PL, вызывает импликацию ‘твой, но не наш’ (в силу механизма Q-импликаций [Horn 2006]).

Действительно, в случае собственно посессивного POSS.2SG подобный эффект имеет место. В (18) супруги говорят про крышу своего дома. В таком контексте уместно употребить показатель POSS.1PL или показатель POSS.1DU¹⁹. Употребление POSS.2SG в этом случае вызывает импликацию, что крыша принадлежит только Васиной жене, но не ему самому. Поскольку эта импликация ложна в этом контексте, употребление POSS.2SG вместо показателей первого лица неединственного числа неуместно.

- (18) *χот_λαηᾶλ-ew/-ετᾶπ/#-en* *pos-ijᾶλ.*
 дом_крыша-POSS.1PL/-POSS.1DU/-POSS.2SG капать-FREQ[NPST.3SG]
 {Вася говорит своей жене:} ‘(Наша) крыша протекает.’
 Комментарий консультанта к *-en*: «Тогда это крыша его жены, неправильно получается [в этом контексте]».

¹⁹ В речи некоторых носителей лично-числовые показатели со значением двойственного числа вырождаются, поэтому мы также спрашивали о допустимости POSS.1PL в таких и других контекстах, подразумевающих референцию к двойственному индивиду.

С другой стороны, в случае показателя топикальности подобного эффекта не наблюдается.

Так, в примере (19) картина ровно противоположная: допустимо только употребление POSS.2SG, и при этом не возникает импликатуры ‘твой, но не наш’²⁰, а употребление POSS.1PL вовсе неуместно.

- (19) *amp-en/#-ew* *ta* *peλ-am-a* *χurət-ti* *pit-əs.*
 пёс-POSS.2SG/-POSS.1PL я на-POSS.1SG-DAT лаять-NFIN.NPST статья-PST[3SG]
 ‘{Я шёл по улице и увидел собаку.} Собака на меня залаяла.’

Если бы в примерах типа (19) употреблялся показатель с посессивной семантикой, мы бы ожидали, что он будет прагматически конкурировать с показателем POSS.1PL. Поскольку мы не наблюдаем эффектов такой конкуренции, можно утверждать, что в таких случаях используется показатель с другой семантикой (который не образует шкалу Хорна с POSS.1PL [Horn 2006]).

4.1.3. Аргумент от недопустимости выражения посессора

Первым морфосинтаксическим аргументом за независимость показателя топика является аргумент от недопустимости выражения посессора.

Собственно посессивные показатели допускают как имплицитного, так и эксплицитного посессора (см. раздел 3). Если в примерах типа (19) употребляется собственно посессивный показатель, мы ожидаем, что он также будет допускать выраженного посессора.

Пример (20) показывает, что это предсказание моносемических подходов не подтверждается. При выраженном посессоре экспонент *-en* интерпретируется исключительно как показатель POSS.2SG с собственно посессивным значением, а интерпретация показателя топика становится недоступна.

(20) Контекст: как в (19).

- [#]*nāj* *amp-en* *ta* *peλ-am-a* *χurət-ti* *pit-əs.*
 ты пёс-POSS.2SG я на-POSS.1SG-DAT лаять-NFIN.NPST статья-PST[3SG]
 ‘Твоя собака на меня залаяла.’
 Ожид.: ‘Собака на меня залаяла.’

Этот факт говорит в пользу независимости показателя топика от собственно посессива.

²⁰ Ни один из порядка пятнадцати консультантов, подтвердивших этот пример, не давали реакцию, как в (18), которая возникала у нескольких консультантов в том примере.

4.1.4. Аргумент от рассогласования

От собственно посессивного показателя как от показателя согласования с ИГ посессора ожидается последовательное выражение признаков лица-числа посессора (см. раздел 3). Если в примерах типа (18) употребляется собственно POSS.2SG, ожидается, что при множественном адресате будет употребляться показатель *-en* [POSS.2NSG].

Пример (21) показывает, что даже при множественном адресате в подобных контекстах может употребляться только экспонент *-en* [POSS.2SG].

(21) Контекст: Мать рассказывает детям.

amp-en/#-en *ma* *pɛλ-am-a* *χurət-ti* *pit-as*.
 пёс-POSS.2SG/-POSS.2NSG я на-POSS.1SG-DAT лаять-NFIN.NPST статья-PST[3SG]
 ‘{Дети, я сегодня так испугалась! Я шла по улице и увидела собаку.}
 Собака на меня залаяла.’

Рассогласование по числу показателя *-en* с адресатом представляет наш последний аргумент за его независимость.

В этом разделе мы представили три аргумента за независимость показателя топики. В отличие от собственно POSS.2SG показатель топики не конкурирует с POSS.1PL (раздел 4.1.2), не допускает выраженного посессора (раздел 4.1.3) и не согласуется с адресатом по числу (раздел 4.1.3). Мы считаем эти факты достаточным основанием для отказа от моносемических подходов к этому показателю в пользу радикально-полисемического подхода. **Показатель топики является независимой сущностью** со своими семантическими, прагматическими и морфосинтаксическими свойствами во многом отличными от свойств омонимичного с ним показателя POSS.2SG.

4.2. Партитивный артикль *-əλ* [POSS.3SG]

В разделе 2.2. мы затронули дискурсивные употребления коми-ижемского показателя POSS.3SG в качестве партитивного артикля.

В севернохантыйском у соответствующего показателя также представлено подобное употребление. В примере (22) ИГ, отсылающая к одной из двух чашек, введённых в предшествующем контексте, маркирована показателем POSS.3SG. По крайней мере для части наших консультантов употребление POSS.3SG в этом случае является обязательным, и для всех — первым переводом соответствующего русскоязычного стимула²¹.

²¹ Обязательность партитивного употребления POSS.3SG в соответствующих контекстах нуждается в дальнейшей проверке.

- (22) *i ap-əλ mij-e.*
 один чашка-POSS.3SG дать-IMP.SG.SG
 ‘{— Чем тебе помочь? — Вон на столе две чашки стоят.} Дай одну чашку.’²²

Пример (23) показывает, что партитивное POSS.3SG маркирование также возможно на числительных при эллипсисе вершины.

- (23) *kāt-ηαλ / kāt ewi-ηαλ ta wəλ-λam.*²³
 два-DU.POSS.3SG два девочка-DU я знать[NPST]-1SG > NSG
 ‘{Несколько девочек вошли в класс.} Двух из них / Двух девочек я знал.’

4.2.1. Моносемические подходы к партитивному артиклю

Партитивные употребления показателей POSS.3SG входят в число данных, на анализ которых и нацелен реляционно-полисемический подход Симоненко. В рамках этого подхода в отношении случаев типа (22) утверждается, что показатель обозначает отношение подмножества, а нулевое местоимение в позиции посессора отсылает к (множественному) референту, введённому в предшествующем контексте, частью которого и является референт ИГ.

Как было отмечено в разделе 2.2, в подобных случаях также имеет место рассогласование: вместо ожидаемого показателя POSS.3PL используется POSS.3SG²⁴. Подробнее этот аргумент рассматривается ниже.

В отношении ассоциативного подхода следует сказать, что Ирина Николаева [2003: 11, 13] эксплицитно отказывается от попыток подвести парти-

²² Отметим, что употребление показателя топикальности в (22), как и в остальных примерах в этом разделе не допускается всеми консультантами, предположительно из-за нарушения в этих контекстах presupпозиции уникальности (см. §4.1 и ссылки там же).

²³ В севернохантыйском у показателей числа есть основной и посессивный алломорфы. В (23) используется посессивный алломорф *-ηαλ* показателя двойственного числа (основной алломорф *-ηηλ*), что указывает на присутствие посессивного показателя. При этом, поскольку показатель POSS.3SG выглядит как *-αλ* в контексте маркированных чисел, в силу гаплоггии вместо последовательности *-ηαλ-αλ* используется вариант *-ηαλ*, кумулятивно выражающий двойственное число и посессивное маркирование третьего лица единственного числа.

²⁴ Примечательно, что согласно [Nikolaeva 2003: 12] в горномарийском в подобных контекстах действительно используется POSS.3PL, что говорит в пользу возможности моносемического анализа горномарийских данных. Более подробное обсуждение мы вынуждены оставить за рамками настоящей работы.

тивные употребления под моносемический анализ. Мы не станем специально рассматривать возможный ассоциативный анализ этих употреблений, но отметим, что аргументы ниже являются основанием для отвержения любого моносемического подхода в пользу радикально-полисемического.

4.2.2. Аргумент от недопустимости выражения посессора

Первый аргумент за независимость партитивных употреблений POSS.3SG, как и в случае показателя топика, основан на недопустимости выражения посессора при партитивно-маркированной ИГ.

Это продемонстрировано в примере (24). Добавление выраженного посессора с необходимостью вызывает собственно посессивную интерпретацию вместо ожидаемой партитивной.

(24) Контекст: как в (22).

#*λiw i ap-əλ / i λiw ap-əλ mij-e.*²⁵
 он один чашка-POSS.3SG / он один чашка-POSS.3SG дать-IMP.SG.SG
 ‘Дай одну его чашку.’
 Ожид.: ‘Дай одну чашку.’

В общем случае при моносемическом подходе следовало бы ожидать, что всякое дискурсивное употребление должно так же допускать выраженного посессора, как его допускают собственно посессивные употребления. Пример (24), однако, показывает, что партитивное употребление POSS.3SG не допускает эксплицитного посессора.

4.2.3. Аргумент от рассогласования

В разделе 2.2 уже было сказано, что моносемический анализ примеров типа коми-ижемского (6) или севернохантыйского (22) затруднён, т.к. посессив с одной стороны должен отсылать к множественному референту, а с другой стороны выражает единственное число.

Нетрудно показать, что предсказываемый моносемическим подходом POSS.3DU (или POSS.3PL, см. сноску 19) в партитивных контекстах недопустим.

В (25) это продемонстрировано для контекста из (22). Ни *-əp* [POSS.3DU], ни *-eλ* [POSS.3PL]²⁶ здесь не уместны, их употребление вызывает собственно посессивные прочтения.

²⁵ Разные консультанты допускают разный взаимные порядки посессора и числительного. Для нас принципиально, что ни один из порядков не даёт ожидаемую партитивную интерпретацию.

- (25) *i ap-əλ/#-əп/#-eλ mij-e.*
 один чашка-POSS.3SG/-POSS.3DU/-POSS.3PL дать-IMP.SG.SG
 ‘{— Чем тебе помочь? — Вон на столе две чашки стоит.} Дай одну чашку.’
 Комментарий консультанта к *-əп* [POSS.3DU] и *-eλ* [POSS.3PL]: «Это если их двоих чашка / одна из их чашек».

В защиту моносемического анализа можно выдвинуть предположение, что в подобных случаях посессив отсылает к предупомянутому множеству, как к единичной сущности. Тогда необходимо показать, что анафорическая отсылка к множественным референтам, как к единичной сущности в принципе возможна в севернохантыйском вне партитивных контекстов.

Пример (26) показывает, что это невозможно в случае анафорического указательного местоимения *šit*, и вместо единственного числа, необходимо использовать указательное местоимение в двойственном числе (с топикальным маркированием в силу топикальной подлежащей позиции).

(26) Контекст: как в (22).

- a. *#šit-en mij-e.*
 DEM-POSS.2SG дать-IMP.SG.SG
 Ожид.: ‘Дай эти [чашки].’

- b. *šit-ηəλ-əп mij-a-λi.*
 DEM-DU-POSS.2SG дать-IMP-NSG.OBJ
 ‘Дай эти [чашки].’

Пример (27) показывает то же для личного местоимения третьего лица единственного числа *λuw* в контексте из (23)²⁷. Для отсылки к множественному референту необходимо использовать личное местоимение третьего лица множественного числа *λiw*.

(27) Контекст: как в (23).

- a. *#ma λuw-ətti wəλ-εm.*
 я он(а)-ACC знать[NPST]-1SG > SG
 Ожид.: ‘Я их знал.’

²⁶ Экспонентом *-əп* также выражается значение POSS.2NSG, поэтому консультанты указывали, что *i ap-əп* также может значить ‘одна из чашек вас двоих’.

²⁷ В севернохантыйском личные местоимения могут отсылать только к одушевлённым референтам, поэтому в (26) мы использовали анафорическое указательное местоимение, которое способно отсылать к неодушевлённым референтам.

b. *ma liw-atti wəλ-λam.*
 я они-ACC знать[NPST]-1SG > NSG
 ‘Я их знал.’

Примеры (26)–(27) показывают, что существующие способы эксплицитной анафорической отсылки не допускают отсылки к множеству, как к единственной сущности. В полевых текстах, имеющих в нашем распоряжении, ни одна из анафорических цепочек с множественным antecedентом также не допускает анафорическое выражение в единственном числе (будь то выраженные анафорические местоимения, нулевые аргументные *pro*-местоимения или посессивы, согласующиеся с последними). Исходя из этого, мы утверждаем, что нет оснований считать, что нулевое местоимение в составе партитивно-маркированных ИГ, с которым согласуется посессив, допускает безразличную к числу отсылку. Иными словами, нет оснований считать, что POSS.3SG способен отсылать к множественным референтам.

В этом разделе мы показали, что партитивный артикль омонимичный с POSS.3SG не допускает выражения посессора и не согласуется с antecedентной ИГ по числу. Если бы какой-либо моносемический подход (в частности, реляционно-полисемический подход Симоненко [2017]) верно описывал подобные употребления, мы бы ожидали, что эти употребления обладают этими свойствами. Тот факт, что эти предсказания моносемических подходов не выполняются, говорит в пользу радикально-полисемического взгляда на подобные употребления. В контекстах, представленных в этом разделе, **мы имеем дело не с посессивным показателем, а с партитивным артиклем**, который не подразумевает наличия посессора в именной группе и, как следствие, не индексирует лицо-число последнего.

Подробный анализ севернохантыйского партитивного артикля мы оставляем для будущих исследований.

5. Заключение

В настоящей работе был выдвинут тезис о том, что моносемические подходы к дискурсивной посессивности не способны верно описать поведение двух дискурсивных употреблений севернохантыйских показателей посессивности.

В разделе 2 мы представили критический обзор двух моносемических подходов к дискурсивной посессивности.

Ассоциативный подход (например, [Nikolaeva 2003]) для конкретного типа употреблений утверждает, что это дискурсивное употребление основано на ассоциативном отношении между посессором и референтом. Поскольку само отношение принципиально следует из базовой посессивной семантики, нет необходимости выделять подобные употребления в отдельный показатель.

Реляционно-полисемический подход [Simonenko 2017] также сводит некоторые типы дискурсивных употреблений посессивов к общей с собственными употреблениями семантике. Здесь, однако, вводится семантический компонент переменной по отношениям R. Утверждается, что наличие соответствующего употребления у посессива объясняется наличием соответствующего возможного значения R в его лексическом входе. Например, луговомарийскому показателю POSS.3SG доступны партитивные употребления, поскольку R в его семантике может принимать значение отношения подмножества. Следовательно, подобные употребления можно подвести под общий с собственно посессивом лексический вход и не выделять их отдельно.

Мы продемонстрировали, что в случае двух севернохантыйских дискурсивных посессивов ожидаемый при моносемическом подходе параллелизм в поведении с собственно посессивами не наблюдается (раздел 4). Так, показатель топика омонимичный собственно посессивному *-en* [POSS.2SG] в отличие от последнего не вступает в прагматическую конкуренцию с POSS.1PL, не допускает выраженного посессора и не согласуется с адресатом по числу. Партитивный артикль омонимичный собственно посессивному *-əλ* [POSS.3SG] в отличие от последнего не допускает выраженного посессора и не согласуется с антецедентной ИГ по числу, имея форму POSS.3SG даже при множественном антецеденте. На основании этих аргументов мы утверждаем, что единственно верный подход к описанию этих двух показателей — это радикально-полисемический подход, который утверждает, что каждый из них представляет собой независимый показатель с собственной семантикой и морфосинтаксисом отличными от собственно посессивных.

Особую роль в нашей аргументации сыграли аргументы от недопустимости выражения посессора при дискурсивном посессиве и от рассогласования дискурсивного посессива с условной ИГ «посессора». Мы ожидаем,

что применение этих аргументов к материалу других уральских языков с развитой дискурсивной посессивностью может аналогичным образом послужить основанием для принятия радикально-полисемического взгляда на соответствующие дискурсивные посесивы (как это было сделано для удмуртского партитивного артикля в [Kiss, Tánczos 2018]).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — винительный падеж; DAT — дательный падеж; DEM — указательное местоимение; DETR — детранзитив; DU — двойственное число; EP — эпентетический формант; FREQ — фреквентатив; GEN — родительный падеж; IMP — повелительное наклонение; INF — инфитив; ITER — итератив; LOC — местный падеж; NARR — нарративное время; NFIN — нефинитная форма; NPST — непрошедшее время; NSG — неединственное число; OBJ — объектное спряжение; PL — множественное число; POSS — показатель посессивности; PST, PAST, PRT — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Каксин 2010 — Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. [Kaksin A.D. Kazymskii dialekt khantyiskogo yazyka [The Kazym dialect of Northern Khanty]. Khanty-Mansiisk: ITs YuGU, 2010.]
- Кашкин 2008 — Кашкин Е.В. Особенности употребления посессивных показателей в ижемском диалекте коми-зырянского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2008. 4(2). С. 81–84. [Kashkin E.V. Osobennosti upotrebleniya possessivnykh pokazatelei v izhemskom dialekte komi-zyryanskogo yazyka [Special features of uses of possessive markers in Komi Izhem]. Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy. 2008. 4(2). Pp. 81–84.]
- Кашкин 2010 — Кашкин Е.В. Дискурсивные функции посессивных показателей в тегинском говоре хантыйского языка. Отчет о работе в экспедиции в с. Теги Березовского р-на ХМАО. 2010 г. [Kashkin E.V. Diskursivnye funktsii possessivnykh pokazatelei v teginskom govore khantyiskogo yazyka [Discourse uses of possessive markers in the Tegi dialect of Khanty]. Field report, 2010.]
- Кузнецова 2003 — Кузнецова А.И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках. // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей. Ижевск, 2003. С. 249–259. [Kuznetsova A.I. Kumulyatsiya grammaticheskikh znachenii v agglutinativnykh pokazatelyakh: deikticheskie funktsii possessiva v ural'skikh yazykakh [Cumulation of grammatical meanings in agglutinating morphemes: deictic functions of the possessive in Uralic]. Mezhdunarodnyi simpozium po deikticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Evropy i Severnoi i Tsentral'noi Azii. Sbornik statei. Izhevsk, 2003. Pp. 249–259.]
- Михайлов 2021a — Михайлов С.К. 2-в-1: две посессивные конструкции в одной парадигме севернохантыйских суффиксов // Семёнова Кс.П. (ред.). Малые языки в большой

- лингвистике. Выпуск 3. М.: «Буки-Веди». 2021. С. 106–117. [Mikhailov S.K. 2-v-1: dve possessivnye konstruksii v odnoi paradigme severnokhanty-skikh suffiksov [2-in-1: Two possessive constructions in one Northern Khanty paradigm of suffixes]. Semionova X. (ed.). Minor languages in general linguistics. Issue 3. Moscow: “Buki-Vedi”. 2021. Pp. 106–117.]
- Михайлов 2021b — Михайлов С.К. Когда можно и когда нужно использовать севернохантыйский показатель топика? Доклад, представленный на XVIII Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, 2021. [Mikhailov S.K. *Kogda možno i kogda nuzhno ispol'zovat' severnokhantyiskii pokazatel' topika?* [When is it possible and when necessary to use the Northern Khanty topic marker?] Talk presented at the 18th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars, 2021.]
- Сердобольская 2017 — Сердобольская Н.В. Инвариант определенности и дифференцированное маркирование прямого дополнения в бесермянском удмуртском // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2017. 13(3). С. 74–122. [Serdobol'skaya N.V. *Invariant opredelennosti i differentsirovannoe markirovanie pryamo-mogo dopolneniya v besermyanskom udmurtskom* [The invariant of definiteness and differential object marking in Beserman Udmurt]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2017. 13(3). Pp. 74–122.]
- Смирнова 2019 — Смирнова А. Поссесивность 2.0. Отчет о работе в экспедиции в с. Казым ХМАО. 2019. [Smirnova A. *Posessivnost' 2.0* [Possessivity 2.0]. Field report, Kazym village KhMAO, 2019.]
- Barlew 2014 — Barlew J. Saliency, uniqueness, and the definite determiner *-tè* in Bulu // *Semantics and Linguistic Theory*. 2014. 24. Pp. 619–639.
- Bochnak, Matthewson 2015 — Bochnak M.R., Matthewson L. *Methodologies in semantic fieldwork*. Oxford University Press, USA, 2015.
- Coppock & Beaver 2015 — Coppock E., Beaver D. *Definiteness и determinacy* // *Linguistics и philosophy*. 2015. No. 38(5). Pp. 377–435.
- Elbourne 2008 — Elbourne P. *Demonstratives as individual concepts*. *Linguistics and Philosophy*. 2008. 31. Pp. 409–466.
- Enç 1991 — Enç M. *The semantics of specificity*. *Linguistic inquiry*. 1991. 22(1). Pp. 1–25.
- Fraurud 2001 — Fraurud K. *Possessives with extensive use*. *Dimensions of possession*, 47. 2001.
- Gerland 2014 — Gerland D. *Definitely not possessed? Possessive suffixes with definiteness marking function*. // *Frames and concept types*. Springer, Cham, 2014. Pp. 269–292.
- Hawkins 1991 — Hawkins J.A. *On (in) definite articles: implicatures and (un) grammaticality prediction*. *Journal of linguistics*. 1991. 27(2). Pp. 405–442.
- Heim 1991 — Heim I. *Artikel und Definitheit* // *Semantik: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung* / Stechow A.V., Wunderlich D. (eds.). 1991. Pp. 487–535.
- Horn 2006 — Horn L.R. *Implicature* // *The Handbook of Pragmatics*. Blackwell handbooks in linguistics, 16. 2006.
- Karvovskaya 2018 — Karvovskaya L. *The typology и formal semantics of adnominal possession*. PhD. dis. LOT, Netherlands Graduate School, 2018.
- Kiss 2019 — Kiss K.É. *Fused grammatical and discourse functions in Ob-Ugric: Case, agreement, passive* // *Proceedings of the Workshop “Clause Typing and the Syntaxto-Discourse Relation in Head-Final Languages”*, Arbeitspapier / Bayer J., Viesel Y. (eds.). No. 130. 2019. Pp. 163–174.
- Kiss, Tánczos 2018 — Kiss K.É., Tánczos O. *From possessor agreement to object marking in the evolution of the Udmurt-jez suffix: A grammaticalization approach to morpheme syncretism* // *Language*. 2018. 94(4). Pp. 733–757.

- König 2018 — König E. Definite articles and their uses // *Aspects of Linguistic Variation*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2018. Pp. 165–184.
- Körtvély 2010 — Körtvély E. On the function of possessive suffixes in Tundra Nenets: Possession и semantic-pragmatic definiteness // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2010. № 32(33). Pp. 321–343.
- Langacker 1993 — Langacker R.W. Reference-point Constructions // *Cognitive Linguistics*. 1993. 4(1). Pp. 1–38.
- Matthewson 2004 — Matthewson L. On the methodology of semantic fieldwork // *International journal of American linguistics*. 2004. 70(4). Pp. 369–415.
- Mikhailov 2021 — Mikhailov S. Semantics of the Northern Khanty 2SG Possessive and of Related and Competing Markers. MA thesis HSE University, 2021.
- Muñoz 2019 — Muñoz P. The proprial article and the semantics of names. *Semantics and Pragmatics*. 2019. 12. <https://doi.org/10.3765/sp.12.6>
- Nikolaeva 1999 — Nikolaeva, I. Ostyak. Lincom Europa, 1999.
- Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*. 2001. 39(1). Pp. 1–49.
- Nikolaeva 2003 — Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. // *International Symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia: Collection of papers*. 2003. Pp. 130–145.
- Roberts 2003 — Roberts C. Uniqueness in definite noun phrases. *Linguistics and philosophy*. 2003. 26(3). Pp. 287–350.
- Schwarz 2009 — Schwarz F. Two Types of Definites in Natural Language. PhD dis. University of Massachusetts at Amherst, 2009.
- Serdobolskaya et al. 2019 — Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangelskiy T. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt // *Possession in Languages of Europe и North и Central Asia*, Amsterdam (Studies in Language Companion Series 206). 2019. Pp. 291–311.
- Siegl 2015 — Siegl F. The Non-Possessive Use of PX2P in Nganasan и Dolgan — a reappraisal // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2015. № 39. Pp. 67–100.
- Simonenko 2017 — Simonenko A. Towards a semantic typology of specific determiners // 21st Amsterdam Colloquium. 2017. Pp. 425–434.
- Storto 2005 — Storto G. Possessives in context // *Possessives и beyond: Semantics и syntax / Kim J.Y., Partee B.H., Lander Yu.A. (eds.)*. 2005. Pp. 59–86.
- Taylor 1996 — Taylor J.R. Possessives in English: An exploration in cognitive grammar. Oxford University Press, 1996.
- Tonhauser et al. 2013 — Tonhauser J., Beaver D., Roberts C., Simons M. Toward a taxonomy of projective content. *Language*. 2009. 89(1). Pp. 66–109.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021

The article was received on 01.11.2021

Степан Кириллович Михайлов

магистр; стажёр-исследователь, лаборатория по формальным моделям в лингвистике, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Stepan Mikhailov

Master of Arts; research assistant, Laboratory of Formal Models in Linguistics, National Research University Higher School of Economics

stepanmihajlov@gmail.com